

УДК 821.111-93(73)
ББК 84(7Coe)-44
Д21

Mary Downing Hahn
GUEST: A CHANGELING TALE

Copyright © 2019 by Mary Downing Jacob

Published by special arrangement with Clarion Books, an imprint of
Houghton Mifflin Harcourt Publishing Company.

All rights reserved.

В оформлении обложки использована иллюстрация *Макса Олина*

Даунинг Хаан, Мэри.

Д21 Гость / Мэри Даунинг Хаан ; [перевод с английского
го А. В. Бушуева, Т. С. Бушуевой]. — Москва : Эксмо,
2020. — 256 с.

ISBN 978-5-04-108553-7

Добрый Народец всегда выбирает самых красивых, самых сладких детей. Если ребёнок приглянулся Доброму Народцу — пощады не жди! Вот и Томаса, брата Молли, утащили прямо из колыбели, а вместо него оставили страшненького, худенького и постоянно орущего младенца. Мама Молли сходила к колдунье, и та посоветовала заботиться о подкидыше, как о родном сыне. И тогда (может быть!) Добрый Народец сжалится и вернёт Томаса. Что же делать, Молли стала помогать маме и даже дала имя подкидышу — Гость. Он только и делал, что плакал, кусался и очень много ел. И тогда Молли отправилась в лес на поиски Доброго Народца, захватив с собой и Гостя, конечно. Молли решила во что бы то ни стало обменять Гостя на Томаса. Ей предстоит противостоять жутким существам, прислуживающим Доброму Народцу, найти союзников среди бродяг и даже раскрыть самую мрачную тайну Доброго Народца! И кто знает, хватит ли у неё сил вернуть Томаса домой...

УДК 821.111-93(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-108553-7

© Бушуев А. В.; Бушуева Т. С., перевод
на русский язык, 2020
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

*Посвящается
Колину и Джозефу*

Глава 1

Я была так сердита, что, будь я кипящим чайником, моя злость точно сорвала бы крышку. Да и кто не сердился бы на моём месте? С восхода солнца я трудилась не покладая рук. Я подоила корову, принесла из колодца два ведра воды, накормила цыплят, затем «воевала» с курами, чтобы забрать у них яйца. Теперь я стояла на коленях, вся потная и искусанная мошками, пропалывая сорняки на грядках нашего огорода. Руки были в грязи, а нос обгорел на солнце и стал красным, как клубника. Мошки роились вокруг лица и нещадно кусали уши.

Вытерев с глаз пот, я выдернула с корнем чертополох и увидела ещё два огромных сорняка, притаившихся среди бобов. Я хмуро посмотрела на младшего брата Томаса, который лежал неподалёку на траве.

— Это всё из-за тебя, — пробормотала я. — Если бы не ты, то я бы сейчас в переулке прыгала

через скакалку вместе с другими деревенскими девочками. Но, нет, я должна присматривать за тобой и делать всё по дому, как будто я служанка. Ты погубил мою жизнь, вот что ты наделал. Нехорошо так говорить, но иногда мне хочется, чтобы ты никогда не появлялся на свет!

Томас улыбнулся мне и проворковал, как будто я его похвалила.

Я тотчас устыдилась своих слов и даже зажала ладонью рот, надеясь, что мама не услышала меня. Но она была в доме и что-то напевала, работая на ткацком станке, — ткала мягкие одеяла, чтобы Томасу было тепло, когда наступит зима.

Я посмотрела на Томаса. Он играл пальчиками ног и улыбался чему-то своему. Вообще-то, он был милым ребёнком, и я бы соврала, если бы сказала, что это не так. Он никогда не капризничал, никогда не плакал, ел всё, чем его кормили, и спокойно спал всю ночь.

А ещё он был красив, хотя никто этого не говорил. Когда приходили гости, они склонялись над колыбелью, хмурились и качали головами.

— Жаль, что он такой уродливый и крошечный, — ворчали они.

— О, да, он такой болезненный. Он не доживёт до года.

- И ещё у него такой гадкий характер.
- Из него ничего хорошего не выйдет.
- Поймай я рыбу наполовину уродливее, чем этот бедный малыш, я бы швырнул её обратно в воду.

Казалось, что каждый новый гость пытался придумать оскорбление пообиднее, чем тот, кто приходил до него. И всё это время мама, папа и я улыбались и кивали в знак согласия, потому что для всех нас, даже самых маленьких, было бы великим несчастьем похвалить малыша. С того дня, как родился мой брат, меня предупредили, что нельзя молвить ни одного доброго слова о его красивых кудряшках, голубых глазках или восхитительных ямочках на щеках. Я не должна хвастать тем, какой он милый, или хвалить его.

Дело тут было в Добром Народце, которого мы все боялись. Хотя никто в нашей деревне много лет не видел этих созданий, они могли быть как далеко, так и прямо за дверью. Они были хитры и коварны, и, как бы мы их ни называли, они были далеко не добрыми, хотя никто ни разу не осмелился сказать это вслух. Если мы и упоминали их, то говорили, что они мудрые, прекрасные, смелые, благородные и честные в своих делах.

Ведь если мы их обижали, они сжигали наши сараи и дома, воровали наш скот, насылали на нас мор, а наши поля заглушали зарослями чертополоха, накликивали хромоту на наших лошадей и оставляли без молока наших коров.

Но хуже всего бывало, когда Добрый Народец узнавал о рождении в чьей-то семье красивого мальчика. Тогда они его крали, а вместо него подкидывали в колыбель своего хилого младенца. И такой подменьш приносил новой матери одни слёзы. Ей и без того было горько, что её собственный красивый ребёнок исчез, так подменьш ещё и кричал, плакал, кусался, щипался и ломал вещи. Такой несчастной матери никогда не было ни покоя, ни радости. Она была обречена на вечное горе.

Неудивительно, что мы делали всё возможное, чтобы оградить Томаса от этой беды. Я присматривала за ним, пока мама выполняла работу по дому, а по ночам его покой оберегал ещё и папа. Мы даже никогда не шептали ему ласковых слов, опасаясь, что Добрый Народец придёт за ним.

Их соглядатаи были повсюду. Длинноухие кролики подслушивали, притаившись в живых изгородях, а остроглазые вороны зорко следили, усев-

шись на дымовых трубах. Жабы в прудах, рыбы в ручьях, лисы в лесной чаще, любые живые существа могут принести послания Доброму Народцу.

Я вонзила садовый совок в землю и выкопала упрямый чертополох. Наверно, зря я так грубо говорила с Томасом. Он был слишком мал, чтобы понимать мои слова, однако наверняка услышал в моём голосе злость.

Каркнула ворона. Подняв голову, я увидела, что она сидит на дереве у меня над головой. Она взъерошила чёрные крылья и не сводила с меня глаз. Её тёмный глаз отражал узкую полоску света. Глядя на меня, ворона каркнула ещё раз. Она как будто насмеялась надо мной.

Внезапно охваченная тревогой, я посмотрела на Томаса. Он совсем недавно научился садиться и теперь поглядывал на меня, чтобы убедиться, что я это заметила. Маленькая цепочка, которую он всегда носил на шее, валялась в траве, а серебряный медальон сверкал на солнце.

Кинув садовый совок, я бросилась, чтобы поднять эту штуку.

— Этот медальон дала тебе старая бабушка Хеджпат, Томас. Его нельзя снимать. Тебе лучше слушаться эту старую ведьму, иначе она слопает тебя на ужин.

Томас рассмеялся и захолопал в ладоши. Что он мог знать о ведьмах и их ведьминских делах?

Я попыталась надеть медальон ему на шею, но Томас схватил цепочку и протянул её мне. Что-нибудь дарить было его новой игрой. Большинство, в том числе и я, отдавали их ему обратно, но соседский Мэтью убежал домой с игрушечной деревянной коровой, которую папа вырезал для Томаса. Я пришла к ним домой и спросила его об игрушке.

— Малыш сам отдал её мне, — захныкал Мэтью.

К счастью для Томаса, но не для Мэтью, его мама выхватила у него игрушечную корову, отдала её мне, а сыну отвесила подзатыльник.

Я взяла у Томаса цепочку и улыбнулась.

— О, Томас, ты такой милый, — машинально сказала я. — И как только я могла злиться на тебя? Ты лучший ребёнок на белом свете. И самый красивый.

Я вновь попыталась надеть цепочку ему на шею, но он со смехом увернулся от меня.

Держа медальон в руке, я, вместо того, чтобы надеть его на шею Томасу, села на траву и стала восхищённо его разглядывать. Серебряная цепочка была тонкой работы, а медальон в форме

сердечка украшал причудливый узор из плюща и цветов.

Я вздохнула. Медальон был слишком хорош, чтобы отдавать его неразумному мальчонке.

По правде говоря, я положила на него глаз с того самого дня, когда бабуля Хеджпат застегнула замочек цепочки на шее моего братика.

— Следите, чтобы Томас всегда его носил, — сказала она маме. — Никогда не снимайте его. Мальчик должен есть и спать с медальоном на шее. Даже когда вы купаете его, убедитесь, что медальон крепко застёгнут. Это убережёт его от сглаза.

Положив костлявую руку на голову Томаса, бабуля добавила:

— Пусть Добрый Народец из леса ищет радость в других местах и забудет про этого несчастного уродливого мальчугана.

Я глядела на бабулю из моего тёмного угла, не пошелохнувшись и не проронив ни звука. Мне было страшно смотреть на неё, но она притягивала к себе взгляд, словно злобный василиск. Её седые волосы были всклокочены и давно не чёсаны. Из спутанных прядей торчали сухие веточки и листья. У неё были длинные жёлтые ногти, острые, как когти ястреба, а глаза так глубоко за-

пали в глазницах, что вы бы никогда не определили их цвет.

Одни люди говорили, что старушка была целительницей, другие — что она колдунья, но все в деревне соглашались с тем, что ей ведомы колдовство и заклинания и что в полночь она бродит тропинками Мирквуда. Люди также знали, что её лучше не злить.

Внезапно бабуля повернулась ко мне:

— Почему ты дуешься, девочка? Я вижу твои хитрые глаза, слышу биение твоего ревнивого сердечка. Медальон предназначен твоему брату. Тебе он не нужен.

Она говорила так, словно я была дрянной девочкой, плохой сестрой, никчёмным созданием, которому нет доверия. Хотя это было грубо с моей стороны, я отвернулась и угрюмо уставилась в пол. Как бабуля догадалась, что я хочу этот медальон? Он должен принадлежать мне, а не брату.

— Ты опозорила меня, Молли, — сказала мама, когда бабуля ушла. — Я учила тебя улыбаться и делать реверанс, когда ты видишь бабулю Хеджпат, ты же не сделала ни того ни другого. Что она подумает о тебе?

— Мне всё равно, что она подумает. Разве ты не слышала, что она сказала мне? Она была злой и грубой.

— Нет, это ты была злой и грубой. — Мама недовольно посмотрела на меня. — Надеюсь, ты не нажила себе врага в лице старухи.

— Мне всё равно, если даже и нажила. Я её ни сколько не боюсь.

Обладай мама даром бабули Хеджпат, она бы знала, что на самом деле я страшно боюсь этой старухи. Я прекрасно знала, что должна быть вежлива с ней, но мой язык меня подвёл. Я высказала то, что было у меня на уме, а когда подумала о последствиях, было уже слишком поздно.

И вот теперь, вдали от пронзительных глаз бабули Хеджпат, я подняла медальон и полюбовалась, как он сверкает на солнце.

— Ты ведь хочешь, чтобы я примерила его, верно? — спросила я Томаса. — Вот почему ты дал его мне.

Он улыбнулся во весь рот — я даже увидела, как в его розовых дёснах режутся зубки. Томасу не будет никакого вреда, если я поношу медальон всего несколько минут! Я надела цепочку и осторожно застегнула на шее застёжку.